

Машанов Михаил Александрович

**Очерк быта арабов в эпоху
Мухаммеда как введение к
изучению ислама. Очерк
религиозного быта арабов
язычников в эпоху
Мухаммеда**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 001
ББК 72
М69

М69 **Михаил Александрович М.**
Очерк быта арабов в эпоху Мухаммеда как введение к изучению ислама. Очерк религиозного быта арабов язычников в эпоху Мухаммеда / Машанов Михаил Александрович – М.: Книга по Требованию, 2022. – 859 с.

ISBN 978-5-519-95820-2

Вышла только часть, 1. Религия, Ислам. Мусульманство, История ислама, Ислам в 7-18 вв.

ISBN 978-5-519-95820-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Мухаммедъ, выступивъ проповѣдникомъ ислама, естественно на первыхъ же порахъ долженъ былъ вступитъ въ жаркую полемику съ тѣми религіозными понятіями, какія господствовали среди его соотечественниковъ, долженъ былъ многіе религіозные обряды, обычаи и права своихъ соотечественниковъ обличать, отвергать, видоизмѣнять и замѣнять ихъ новыми. Все, что не согласовалось съ его понятіями и задачами, Мухаммедъ отвергъ и замѣнилъ другимъ, взятымъ изъ христіанства, іудейства, религій маговъ и другихъ религій, послѣдователей которыхъ онъ истреблялъ на своей родинѣ. Все это положило неизгладимую печать на его произведеніе — исламъ. Коранъ Мухаммеда такимъ образомъ явился съ одной стороны, какъ полемическій трудъ, направленный противъ того въ религій арабовъ, что было несогласно съ задачами ислама, съ другой стороны это полный и перидко даже противорѣчащее само себѣ собраніе того, что Мухаммедъ зналъ изъ всѣхъ религій, какия онъ истреблялъ на своей родинѣ. При томъ выступивъ не только религіознымъ реформаторомъ, но и практическимъ дѣлителемъ на общественномъ поприщѣ, Мухаммедъ и здѣсь многое долженъ былъ отчасти мѣшаниствовать изъ жизни своего народа, отчасти отвергнуть и замѣнить новымъ, и такъ какъ все это онъ совершалъ не лично отъ себя, а выдавалъ какъ откровеніе свыше, то естественно и всѣ его постановленія, касающіяся жизни семейной, общественной и политической, вошли въ его Коранъ и въ мусульманскія преданія. Все это ясно показываетъ, что ни Корана, ни преданія ислама нельзя вполне понять, не познавъ предварительно съ жизнью арабовъ во всѣхъ ея отношеніяхъ.

Безъ этого многое въ Коранѣ и преданіяхъ осталось бы совершенно темнымъ, во многихъ случаяхъ трудно было бы дать себѣ отчетъ, какинъ образомъ повѣстное понятіе, извѣстное постановленіе въроучительное и законодательное явилось въ Коранѣ и преданіи мусульманъ, почему именно такъ, а не иначе постановилъ Мухаммедъ,—все это оставалось бы безъ отвѣта и конечно еще болѣе затрудняло бы изученіе ислама и надлежащее его пониманіе. Далѣе, не зная состоянія арабовъ въ эпоху Мухаммеда, нельзя оцѣнить и дѣятельности Мухаммеда, нельзя сказать, что онъ сдѣлалъ полезнаго и вреднаго для арабовъ, потому что такой отвѣтъ возможенъ только при знаніи предшествоващаго и современнаго состоянія народа. Наконецъ безъ знанія этого нельзя себѣ объяснить историческаго хода ислама на первыхъ его порахъ, его завоевательнаго характера, его быстрого распространенія почти по всему міру, быстрого достиженія арабами—мусульманами цвѣтущаго государственнаго и научнаго состоянія и столь же быстрого упадка въ мірѣ невѣжества, въ какомъ коснѣютъ донныя всѣ почти мусульмане, въ томъ числѣ и арабы. Все это конечно уже давно сознавалось и сознается учеными специалистами—оріенталистами, и уже давно началась разработка исторіи арабовъ до Мухаммеда, ихъ быта религіознаго, общественнаго и политическаго. Однако насколько намъ извѣстно, до настоящаго времени всѣ эти свѣдѣнія по тѣмъ или другимъ отраслямъ жизни современныхъ Мухаммеду арабовъ разбросаны въ разныхъ сочиненіяхъ, которые при томъ всѣ имѣютъ въ виду только одну какую либо частную сторону ихъ жизни: одинъ ученый изслѣдовалъ ихъ исторію до Мухаммеда, другой старался постановить ихъ религію въ связи съ другими языческими религіями и даже съ іудейскою, иной изображалъ ихъ поэзію, иной трактовалъ объ одеждахъ, объ архитектурѣ и проч. Цѣлостнаго изображенія этой жизни въ спеціальномъ изслѣдованіи, обнимавшемъ всѣ стороны этой жизни со всѣми ихъ болѣе или менѣе важными чертами, до настоящаго времени не явилось ни въ нашей отечественной литературѣ, ни въ литературѣ западно-европейской. Особенно нужно замѣтить, что почти ничего не сдѣлано въ литературѣ относительно разсмотрѣнія ислама въ связи съ религіознымъ, семейнымъ, политическимъ и нравственнымъ со-

стояниемъ арабовъ современныхъ Мухаммеду, но крайней мѣрѣ намъ ничего неизвѣстно по этой части за исключеніемъ краткихъ замѣчаній, встрѣчающихся въ тѣхъ или другихъ сочиненіяхъ, касающихся арабовъ; а между тѣмъ это послѣднее очень важно для пониманія ислама.

Все высказанное нами и побудило насъ приняться за это дѣло и представить всестороннее изображеніе жизни арабскаго народа во время Мухаммеда, насколько это конечно имѣетъ отношеніе къ исламу, и тѣмъ способствовать пониманію этой религіи. Великій, кто знакомъ съ исламомъ и арабами, пойметъ, что эта задача крайне трудная и по всей ей импротѣ невыполнимая въ виду еще недостаточной разработки этого предмета и не установившихся взглядовъ даже на самыя крупныя явленія въ этой области,—поставившихся до того, что не рѣдко въ объясненіе одного и того же факта высказываются совершенно противорѣчивыя мнѣнія даже специалистами этого дѣла. Особенно же трудна эта задача при тѣхъ научныхъ средствахъ, какія были въ нашемъ распоряженіи въ виду невозможности пользоваться многими капитальными изданіями арабскихъ писателей и памятниковъ, которыхъ мы не могли ни приобрести по ихъ дороговизнѣ, ни прочесть ихъ за перышечіемъ здѣсь въ Казани. Поэтому нѣкоторые частные вопросы и отдѣлы въ нашемъ сочиненіи обработаны не съ тою полнотою и обстоятельностью, съ какою бы того желалось. *No quod potui, feci, faciant meliora potentes.* Цѣль наша чисто практическая—облегчить, насколько то позволяли наши силы и средства, правильное пониманіе ислама лицамъ, желающимъ познаться болѣе или менѣе основательно съ этой религіей.

Преслѣдуя въ своемъ сочиненіи всегда одну задачу, чтобы изображеніемъ быта арабовъ дать только ключъ къ пониманію извѣстныхъ сторонъ ислама, мы обходили памфлетно многіе вопросы, которые хотя и интересны сами по себѣ, но не имѣютъ по нашему мнѣнію отношенія къ исламу, и съ другой стороны мы останавливались съ болѣею подробностію повидимому на незначительныхъ явленіяхъ,—по явленіяхъ, которыми способствуютъ пониманію ислама, вызывая въ немъ тѣ или другія постановленія, то или другое мнѣніе, суевѣріе и проч. Эта же цѣль заставляла насъ

иногда отступать отъ строгой системы въ изложеніи, чтобы, насколько возможно, облегчить пользованіе нашимъ сочиненіемъ лицамъ, желающимъ познакомиться съ исламомъ, но мало свѣдущимъ въ области востоковѣдѣнія. Велѣдствіе этого въ нѣкоторыхъ, впрочемъ немногихъ, случаяхъ мы считали необходимымъ повторять приводимые нами факты, чтобы лицу, желающему болѣе обстоятельно познакомиться съ одною извѣстною стороною въ области ислама, дать возможность въ одномъ мѣстѣ найти всѣ потребныя для него свѣдѣнія, а не отыскивать ихъ въ разныхъ мѣстахъ сочиненія.

Все наше сочиненіе о бытѣ арабовъ раздѣляется на три части. Первая часть охватываетъ религіозный бытъ арабовъ—язычниковъ. Здѣсь мы изображаемъ вѣрованія и учрежденія языческой религіи арабовъ въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, т. е. не включая сюда религіи маговъ и сабійцевъ и разныхъ языческихъ сектъ, въ которыхъ господствуютъ другія предположенія, чуждыя арабскому язычеству. Въ видѣ введенія къ этой части нами представленъ географическій очеркъ Аравіи, насколько климатическія и мѣстные особенности имѣли отношеніе къ жизни арабовъ и обуславливали ее. Потомъ мы представляемъ изображеніе теоретической стороны арабской религіи, затѣмъ практической ея стороны, куда мы причисляемъ и разныя суевѣрія въ виду ихъ тѣсной связи съ практической стороною религіи. Во вторую часть нашего сочиненія пойдетъ очеркъ состоянія въ Аравіи религіи христіанской, іудейской, религіи маговъ и сабеевъ и наконецъ очеркъ языческихъ сектъ, образовавшихся среди арабовъ—язычниковъ подъ вліяніемъ всѣхъ этихъ перечисленныхъ религій. Въ третьей и послѣдней части разсматривается общественная и политическая жизнь арабовъ. Къ этой послѣдней части мы отнесли и краткій историческій очеркъ арабовъ. Хотя мы сознаемъ, что и для пониманія религіи арабовъ—язычниковъ полезно было бы предварительное знакомство съ исторіей народа для оцѣнки вліянія другихъ религій на арабскую, но въ виду того, что подобная исторія совершенно была бы не понятна безъ знанія общественнаго быта арабовъ, резко отличающагося отъ быта всѣхъ европейскихъ народовъ, мы и сочли полезнымъ сдѣлать очеркъ исторіи арабовъ именно при изображеніи общественнаго и политическаго быта арабовъ. Въ заключеніе покажемъ что

исламъ внесъ новаго въ міръ, что онъ пришелъ готовымъ въ Аравію и насколько онъ въ извѣстномъ отношеніи возвысилъ арабовъ и насколько въ другомъ онъ былъ преденъ для нихъ.

Считаемъ пужнымъ сдѣлать еще одно замѣчаніе относительно транскрипціи собственныхъ арабскихъ именъ и названій разныхъ предметовъ и понятій, касающихся какъ жизни религіозной, такъ и бытовой. Мы не могли всюду держаться одной и той же передачи буквъ арабскаго алфавита извѣстными русскими буквами но многими прищипамъ. Выговоръ нѣкоторыхъ буквъ арабскаго алфавита, принятый европейскими и русскими учеными, отличается отъ выговора общепринятаго у мусульманъ нашего отечества. По этому еслибы держаться одной транскрипціи, принятой или учеными, или мусульманами, мы во многихъ мѣстахъ должны были бы допустить написание нѣкоторыхъ словъ, крайне необычное и для тѣхъ и для другихъ. Въ данномъ случаѣ мы преимущественно держались такого правила: въ предметахъ религіозныхъ, а также въ собственныхъ именахъ, нѣбующихъ религіозное значеніе среди мусульманъ и имъ общезвѣстныхъ, мы употребляли транскрипцію, согласную съ выговоромъ послѣднихъ за весьма немногими исключеніями въ тѣхъ словахъ, которыя уже привились въ русскому языку и общезвѣстны для образованныхъ людей, напротивъ по отношенію къ именамъ географическимъ и историческимъ и къ названіямъ предметовъ общественной и домашней жизни мы главнымъ образомъ придерживались транскрипціи, принятой учеными въ виду того, что подобные слова весьма рѣдко или почти не встрѣчаются въ религіозныхъ книгахъ мусульманъ, но крайней мѣрѣ мусульманъ Россіи. Далѣе мы не могли употребить одной неизмѣнной транскрипціи въ виду того, что нѣкоторыхъ сочиненій, какими мы пользовались, не имѣли подъ руками въ подлинномъ арабскомъ текстѣ, а должны были употреблять переводы, въ которыхъ перѣдко невозможно опредѣлить, какъ именно написано извѣстное слово въ подлинникѣ, потому мы естественно должны были передавать русскими буквами такъ, какъ передано это въ томъ сочиненіи, которое у насъ было подъ руками. Наконецъ уже по напечатаніи первой части оказалось къ сожалѣнію, что нѣкоторыя слова переданы русскими буквами но не-

VIII

досмотру различно въ разныхъ мѣстахъ. Впрочемъ чтобы устроить всякій поводъ къ сбивчивости и недоразумѣннмъ, въ концѣ нашего сочиненія будетъ приложенъ алфавитный указатель всѣхъ, встрѣчающихся въ нашемъ сочиненн, собственныхъ именъ и техническихъ словъ арабскими буквами и въ транскрипціи съ указаніемъ также различныхъ чтеній ихъ въ нашемъ сочиненн.

ГЕОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ АРАВІИ.

Обширный полуостровъ на юго-западѣ Азіи именованъ носилъ названіе Аравіи, **جزيرة العرب** арабскій полуостровъ.

Въ Св. Писаніи Аравія называется между прочимъ Востокомъ, гдѣ Моисей показываетъ жилище Іоктана, т. е. Кахтана Арабовъ ⁽¹⁾,—Востокомъ, на томъ основаніи, что Аравія лежала къ востоку, точнѣе къ юго-востоку отъ Палестины ⁽²⁾. Туземцы называютъ Аравію „Беледъ-эль-Арабъ“-страною Арабовъ; Персы и Турки именуютъ ее Арабістанъ. Впрочемъ туземные осѣдлые жители называютъ Арабами однихъ только кочевниковъ, а сами себя называютъ по мѣстности или провинціи, занимаемой ими, и считаютъ для себя обиднымъ названіе Араба, которое въ ихъ глазахъ соотвѣствуетъ понятію человека грубого, невежественнаго, дикаря. Много было разныхъ производствъ имени „арабъ“: нѣкоторые арабскіе писатели производили его отъ Яраба, сына Іоктана, который, по сказаніямъ Арабовъ, былъ однимъ изъ самыхъ раннихъ обитателей этой страны ⁽³⁾. Но это нельзя принять за несомнѣнно достоверный фактъ, потому что между сыновьями патріарха Іоктана, перечисленными въ Библии, не встрѣчается ни одного съ именемъ Яраба ⁽⁴⁾. Нѣкоторые изъ западныхъ латинскихъ писателей производили это названіе отъ Араба, сына Аполлопа и Вавилонія ⁽⁵⁾,

⁽¹⁾ Быт. X, 30

⁽²⁾ Pocock, Specimen historiae Arabum. Oxonii. 1806. p. 33—34.

⁽³⁾ Crichton, History of Arabia; Edinburgh. 1833 г. Vol. I, p. 37.

⁽⁴⁾ Быт. X, 26—29.

⁽⁵⁾ Hottingerus, Historia orientalis. p. 208.

другіе тоже западные писатели производятъ его отъ Арабы, небольшой области (¹), лежащей въ Техамѣ (²), и полагаютъ, что современемъ это названіе будто-бы распространилось постепенно на весь полуостровъ. Но и это производство болѣе чѣмъ сомнительно, — сомнительно, чтобы отъ совершенно незначительнаго и ничѣмъ незамѣчательнаго мѣстечка произошло названіе цѣлаго полуострова извѣстнаго съ древнѣйшихъ временъ. Болѣе основательно мнѣніе тѣхъ ученыхъ, которое корень этого названія ищутъ въ библейскомъ אַרָבָא, אֲרָבָא, съ какимъ названіемъ этотъ полуостровъ встрѣчается во многихъ мѣстахъ Библии и съ какимъ онъ преимущественно сталъ употребляться современн пророковъ (³), а жители его подъ именемъ Аравитянъ אֲרָבִי, אֲרָבִי, אֲרָבִי (⁴). Однако нужно замѣтить, что подъ этимъ именемъ разумѣются въ Библии не неѣ Арабы, а главнымъ образомъ сѣверные, жившіе въблизи Палестины, или кочующіе между Палестиною, Чернымъ моремъ и Вавилономъ (⁵). Дѣйствительно сейчасъ приведенныя Библейскія выраженія, по нашему мнѣнію, представляютъ лучшіе источники для названія Аравіи. Библейское названіе Аравіи значитъ „степь, пустыня, сухая, бесплодная земля“ (⁶). Такимъ образомъ названіе Аравіи произошло отъ пустыннаго характера этой страны. Это производствѣю пріобрѣтаетъ еще большее значеніе, если мы примемъ во вниманіе то обстоятельство, что первоначально названіе Аравіи придавалось главнымъ

(¹) Россск., араб., р. 33. Готтингеръ подмываетъ эту область блвнъ Медины.

(²) Gab. Sionita говоритъ: «Arabia non ab Arabo, Apollonis et Babylonis filio, ut Latiniorum pleriqueasserunt, sed ab Araba, plaga non longe a Medina sita, nomen sortita est. Gab. Sionita, De mor. et nat. Orient. p. 7.

(³) 2 Парал. IX, 14; Исаи. LXXI, 10, 15; Исаи XXI, 13; Іерем. XXV, 24; Іезек. XXVII, 21; Іудифъ II, 25; 1 Макк. XI, 16; Галт. I, 17; IV, 23 и др.

(⁴) 2 Парал. XVII, 11; XXVI, 7; XXI, 16; XXII, 1; Исаи XIII, 20; Іерем. III, 2; Неем. II, 10; VI, 1.

(⁵) Gesenius, Lexicon minime hebraicum et chaldaicum in V. T. libror, p. 792.

(⁶) Соловьевъ, Опытъ библейскаго словаря. Томъ I, стр. 140.

образомъ сѣверной ея части, посвященъ названіе Петрейской или Каменистой Аравіи, а также и той, которая извѣстна подъ названіемъ Пустынной. Св. писателей поражалъ контрастъ между этой пустынной землей и цвѣтущей Халдеей, лежащей рядомъ съ нею, и они дали этой странѣ названіе: „пустыня“—Аравія. Обычай давать названіе извѣстной землѣ по сравненію съ другой, или по качеству почвы, довольно распространенъ какъ въ древніи времена, такъ и въ настоящее на Востокѣ; такъ напримѣръ Арабы называютъ Сирію—*Шамъ* т. е. страна направо, а югозападную Аравію—*Йеменъ*, т. е. страна направо; извѣстно также напримѣръ имя главнаго города Идумей: Петра или Села, что значитъ камень, утѣсъ—имя очевидно заимствованное отъ характера вѣстности этого города. Въ Еврейскіи перѣдко называли также Аравію землею сараципскою отъ обитателей ея Сараципъ. Последнее названіе по всей вѣроятности есть искаженное Греками арабское слово *шаркійюль-восточный*,—искаженное, потому что въ греческомъ языкѣ нѣтъ буквы *ш*, которую Греки замѣнили буквой *с*, напр. Шеломо-Соломонъ. Это производство, по нашему мнѣнію тѣмъ основательнѣе, что въ Св. Писаніи Аравія встрѣчается подъ названіемъ „земли восточной“ и „земли сыновъ Востока“ *אֶרֶץ הָאֲדָמִים* и *אֶרֶץ הַמִּזְרָח* ⁽¹⁾. Можно предположить, что это названіе для Аравіи Евреи успоили, живя въ Египтѣ, гдѣ Аравія представлялась лежащею прямо на Востокъ. Обычай называть земли по странамъ свѣта, въ которыхъ они лежатъ отъ говорящаго,—обычай общій на востокѣ, напр. ливійскіи Арабы именуютъ Арабовъ Африки *могрербнани*, т. е. западными, потому что они живутъ на западѣ отъ Аравіи. Впрочемъ обычай этотъ свойственъ не только восточнымъ жителямъ, но общъ всѣмъ народамъ,—достаточно для этого припомнить наши русскія выраженія Западъ и Востокъ для означенія земель, лежащихъ на западѣ и востокѣ отъ Россіи.

Мы считаемъ необходимымъ нѣсколько остановиться на описаніи Арабскаго полуострова въ географическомъ и естественно-историческомъ отношеніяхъ, потому что безъ сомнѣ-

⁽¹⁾ Быт. XXV, 6; XXIX, 1; Суд. VI, 3; VII, 12; VIII, 10; 3 Цар. IV, 30; Іов. I, 3; Исайя XI, 14; Іерем. XLIX, 29; Іезек. XXV, 4.

нія природа, въ общирномъ смыслѣ слова, имѣли и имѣетъ вліяніе на развитіе идей человѣка, какъ cadaго въ отдѣльности, такъ и особенно цѣлыхъ племенъ, занимающихъ извѣстное пространство. Даже цивилизованный человѣкъ подчиненъ вліянію природы въ своемъ психическомъ строѣ, не смотря на то, что цивилизація болѣе и болѣе освобождаетъ его отъ вліянія природы, давая ему надежныя средства для борьбы съ нею и дѣлая его сравнительно влстелиномъ физическихъ условий; тѣмъ болѣе нужно допустить вліяніе природы на первобытнаго человѣка и необразованныхъ, пещерныхъ, полудикихъ племенъ, населяющихъ дѣлѣй природы, почти всегда находящихся въ зависимости отъ нея, вполнѣ ей подчиненныхъ, ожидающихъ отъ нея для себя и блага и зла; природа обуславливаетъ въ жителяхъ тѣ или другія привычки сообразно съ мѣстными условіями, побуждаетъ племена къ той или другой дѣятельности, какъ физической, такъ и умственной сообразно съ этими вѣчными условіями, и такимъ образомъ опредѣляетъ весь складъ ихъ психической жизни и племенныхъ, какъ чисто бытовыхъ, такъ и болѣе высшихъ свойствъ; въ частности природою обуславливается и самое религіозное міровозрѣніе людей. Сравните поэтическую мѣологію Грековъ съ мрачными мѣями сѣвера, Аполлона съ Однимъ,—и вы увидите все общирное вліяніе природы на складъ религіозныхъ попятій извѣстнаго народа. Возьмите страшнаго Египетскаго Тифона и напишихъ львиныхъ,—и вы въ этихъ образахъ представите весь поразительный контрастъ песчаныхъ знойныхъ пустынь Сахары и холодной, мрачной сѣверной Россіи. Достаточно этихъ примѣровъ, чтобы видѣть неотразимое вліяніе природы на психическую жизнь народа, на его міровозрѣніе вообще и религіозное въ частности. Это-то и заставляетъ насъ набросать хотя краткій очеркъ природы Аравіи. При этомъ мы остановимся не на всѣхъ подробностяхъ этой природы и земли, но только на тѣхъ, которыя по нашему мнѣнію должны были имѣть и дѣйствительно имѣли вліяніе на строй жизни и психическое состояніе Арабовъ и ихъ религіозное міровозрѣніе.

Аравія это обширный полуостровъ (болѣе 48260 кв. геогр. миль) на юго-западѣ Азіи; онъ начинается отъ Си- ріи и простирается до Индѣйскаго океана. На сѣверѣ къ нему примыкаетъ и граничитъ обширная Сирійская пусты-